

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев
Издание Костомарова и Берга. 1862.

Полтора года тому назад, в декабрьской книжке "Рус слова" за 1860 год, я разобрал "Сборник стихотворений иностранных, поэтов" в переводе гг. В. Д. Костомарова и Ф. Н. Берга. Теперь явился второй выпуск того же издания под выписаным заманчивым заглавием. Этот второй выпуск отличается от первого своим планом и составом. Издатели сочли нужным поместить кроме стихотворных переводов четыре объяснительные статьи, написанные, конечно, прозою. Кроме того, число переводчиков значительно увеличилось; гг. Берг и Костомаров со времени издания первого выпуска успели набить руку, так что уже теперь в их переводах не встречается тех диковинок, которые я отметил полтора года тому назад. Общая цель предприятия, которое, кажется, намерено быть прочным, до сих пор остается не объясненною; почему гг. издатели берут тех или других поэтов, те или другие стихотворения - этого я не знаю, да и сами они, кажется, считают совершенно лишним отдать себе в этом отчет. Во втором выпуске мы встречаем Бернса и Гейне - ну, это понятно! Бернс и Гейне всегда кстати; затем мы встречаем А. Шульца, Г. Х. Андерсена и в виде приложения - легенды сербов. Русская публика, конечно, ничего бы не потеряла, если бы всего этого она и не встретила. Самую слабую часть книжки составляют, впрочем, не стихотворения, а объяснительные статьи г. Костомарова и коротенькое предисловие, подписанное словом: "издатели".

Тут, в этом предисловии гг. издатели стараются объяснить цель своих трудов и издержек, но это им плохо удается; оказывается, что предлагаемый сборник желает содействовать знакомству русской публики с поэзией других народов, а что о пользе такого знакомства и говорить нечего, потому-де, что она признается всеми. Впереди, в туманном отдалении издатели видят перед собою заманчивую цель: составление на русском языке такой антологии, "какими так богата, например, хоть немецкая литература". Впрочем, эта цель кажется им настолько великою, что она, по их словам, может быть достигнута не скоро. Отдаленность великой цели не ослабляет, однако, самоотверженного усердия издателей; они надеются, что роскошное здание русской антологии сложится со временем и что их сборники будут служить кирпичами в руках будущего зодчего. Да, воля ваша, говорите, что хотите, смейтесь, сколько душе угодно, а все-таки издателям отрадно думать, что их внуки будут держать в руках толстый in-4o, в котором по алфавиту или по достоинству разместятся иностранные "поэты всех веков и народов", пересаженные на русскую почву трудолюбивыми руками гг. Берга, Костомарова и сотрудников. Приятно даже воображать себе в будущем плоды собственной общественной деятельности. Ведь перевести на русский язык песенку Гейне, это - тоже общественная деятельность, хоть лыком штая, а все деятельность. Я от души жалею о том, что не обладаю тою пылкостью воображения, которою одарены гг. издатели; иначе я бы непременно вообразил себе, что в настоящую минуту, болтая всякий вздор по поводу вздорной книжки, я занимаюсь общественною деятельностью, просвещаю вкус русской публики здравою критикою, разрушаю ветхие понятия... О, общественная деятельность, хорошо, что ты у нас в России - отвлеченная идея, иначе ты имела бы полное право обидеться, зачем ни к селу, ни к городу призывают твое почтенное имя? Кто только не воображает себя деятелем? все суетятся, все хлопочут, и все это делается для пользы общей. Вот, например, гг. издатели "Поэтов" составили книжку в 200 страниц и пустили ее в продажу по 1 р. 25к. Подумайте: за 1 р. 25к. читатель узнает, как г. Костомаров думает о Бернсе, как тот же г. Костомаров смотрит на Гейне и как наши русские стихотворцы переводят Бернса, Гейне, Шульца, Андерсена и сербов. Доставить столько наслаждения за такую умеренную цену - это заслуга.

Что же вы хотите доказать всеми вашими нелепыми насмешками? - спросит, наконец, раздосадованный читатель.

А вот видите ли, я хочу доказать, что претензии всегда бывают смешны. Гг. Костомаров и Берг перевели на досуге несколько десятков стишков; им захотелось их напечатать; желание понятное; потом, когда накопилось еще несколько пись, захотелось повторить то же самое; ну, и печатали бы себе просто, без затей, не распространяясь о цели; какая тут цель! просто, отчего же не перевести, а потом, отчего же не напечатать? Нет, нельзя, самолюбие одолевает; надо, видите ли, объяснить появление книжки высшими побуждениями, надо привести ее в связь с потребностями общества, надо себя заявить. В каждом из нас сидит Петр Иваныч Бобчинский; недаром же Гоголь был великий знаток русского человека. У русского человека бывает охота

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org работать, бывают и силы; недостает только простора и умения направить свои силы; поэтому он или тратит их зря в узенькой сфере, или ограничивает всю свою деятельность заявлениями о самом себе; в нашей литературе есть очень много пишущих людей, от которых мы до сих пор не узнали ни одной идеи; но зато им удалось раз двадцать или тридцать напечатать свою фамилию и известить почтеннейшую публику о том, что на белом свете живет такой-то Иванов, Арсеньев или Заочный. {2} Принадлежат ли гг. издатели к категории непроизводительных деятелей нашей литературы - этого еще нельзя решить; во всяком случае плоды их деятельности еще впереди, в будущем роскошном здании русской антологии.

Г. Костомарову удались некоторые переводы, но зато его характеристики Бернса и Гейне решительно никуда не годятся. Биография Бернса, занимающая 50 страниц, не что иное, как плохая компиляция из писем Бернса, из статьи Карлейля о шотландском поэте и из разных английских биографий. Называя произведение г. Костомарова плохой компиляцией, я не думаю обвинять г. составителя в том, что он не воспользовался всеми источниками; источников за глаза довольно, да беда в том', что г. Костомаров не умеет с ними справиться, не умеет сгруппировать их и придать им даже внешнюю стройность. Одни и те же факты повторяются по нескользкому раз. "Прекрасная душа" Бернса отлетает "на небо" на 16-й странице, и читатель, замечая, что впереди еще 34 страницы, начинает надеяться, что ему дадут подробный разбор произведений шотландского поэта; но он ошибается; на 16-й же странице начинается письмо Бернса к доктору Муру, в котором поэт рассказывает всю свою жизнь, т. е. то, что уже нам рассказал г. Костомаров. Это продолжается до 32-й страницы; мы принуждены сознаться, что рассказ Бернса лучше рассказа г. Костомарова, и потому мне кажется, что г., Костомаров мог бы ограничить свою биографическую деятельность придевлыванием некоторых комментариев к письму Бернса; во всяком случае печатать подряд два рассказа об одном и том же предмете по меньшей мере бесполезно; как ни замечательна личность Бернса, а все-таки мне кажется, что русской публике незачем учить наизусть его биографию; достаточно прочесть ее один раз. С 36-й страницы начинается оценка поэтической деятельности Бернса. "Бернс, - говорит г. Костомаров, - был народный поэт в высшей степени". Должно сознаться, что эти слова ничего не поясняют; название народного поэта совершенно неопределенно; а усиливающее наречие "в высшей степени" показывает только, что г. Костомарову очень хочется расхвалить Бернса. Выписки из Карлейля также мало подвигают дело вперед. Как вам нравится, например, такая характеристика Бернса, заимствованная у Карлейля: "Добродетель живет в его стихотворениях, как будто на зеленых лужайках, и дышит воздухом гор; но в них глубоко залегли слезы, и раздирающий пламень, как молния, скрывается в каплях летнего облачка". Добродетель, слезы и раздирающий пламень - вот ингредиенты, из которых состоит поэзия Бернса; смешайте все это вместе в надлежащей пропорции, вообразите себе при этом зеленые лужайки, воздух гор и летнее облачко, и дело с концом; вы получили полное понятие об особенностях поэтического таланта Роберта Бернса; вы скажете может быть, что все эти разнородные ингредиенты слишком отвлечены и слишком плохо вяжутся между собою в вашем воображении, - я с вами согласен; но г. Костомаров думает иначе. Вся 11-я глава (от стр. 36 до 48-й) завалена цитатами из Карлейля; все эти цитаты очень цветисты и, по правде сказать, совершенно лишены осознательного содержания. Что вы скажете, например, о такой тираде? "Он родился поэтом; поэзия была небесным элементом существа его; на ее, крыльях он возносился в область чистейшего эфира и уже не думал больше ни о каком другом повышении. Он готов был перенести и бедность, и неизвестность, и все бедствия, только бы не унизить себя и не осквернить искусства". Мысль очень простая: "Роберт Бернс был честный человек, никого не обманывал и ни перед кем не подличал"; но какими узорами расписана эта простая мысль! Тут и небесный элемент, и крылья поэзии, и вознесение в область чистейшего эфира, и осквернение искусства... .

- О друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!

А вот образчик того исторического мистицизма, который у Карлейля доходит до галлюцинации. "Байрон и Бернс были оба миссионеры своего времени; цель их миссии была одна и та же - научить людей высочайшему учению, чистейшей истине; они должны были исполнить цель своего призыва; до тех пор они не могли знать покоя. Тяжко лежало на них это божественное повеление; они изнывали в тяжелой, болезненной борьбе, потому что не знали его точного смысла; они предугадывали его в каком-то таинственном предчувствии, но должны были умереть, не высказавши его ясно". Тут Карлейль не только говорит красиво, но даже думает красиво, так что вы, при всех усилиях, не

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org дороется ни до какой простой, человеческой мысли. Г. Костомарову это должно нравиться, потому что чем другим, а обилием простых, человеческих мыслей его статьи не грешат. у него встречаются поползновения заговорить так же красиво, как говорит Карлейль, но эти попытки остаются слабыми подражаниями. Например: (стр. 4) "От берегов Дуна, из мазанки Шотландии выпорхнула полевая ласточка и запела свою честную звонкую песенку"; (стр. 14) "Напрасно его шотландская музя, полуодетая в национальный тартан, в венке из орешника и терна являлась к нему как благодетельная фея и ударом волшебной палочки превращала убогую мазанку в чудный замок, - он умер, как жил, бедным фермером, орошая кровавым потом жадную землю, которая кормила его нуждою". А не лучше ли было бы, вместо того чтобы с невероятными усилиями сооружать риторические фигуры, объяснить просто, почему Бернс всю свою жизнь терпел нужду; ведь из рассказа г. Костомарова этого не видать. Только и видно, что несчастного поэта гнетет злая судьба, но что же это за объяснение? Или, может быть, Костомаров верит в *fatum*, {фатум, судьба (лат.)}. - Ред.} точно так же как Карлейль верит в исторические миссии? В таком случае, конечно, и объяснять нечего.

Оценка произведений Бернса ограничивается тем, что г. Костомаров приводит несколько его песен и прибавляет к каждой из них эпитет: превосходная, прекрасная, прелестная. При таком образе действий роль критика оказывается в высшей степени легкою и приятною.

Из стихотворений Бернса, переведенных в этом выпуске, особенно замечательна по идее и выполнению небольшая песня: "Прежде всего". Приведу ее целиком, хотя петербургская публика уже слышала ее в нынешнем году на публичном чтении.

Бедняк, будь честен и трудись,
Трудись прежде всего;
Холопа встретишь - отвернись
С презреньем от него!
Прежде всего, прежде всего
Пред знатным не бледней
Ведь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!
Пусть черствый хлеб - весь твой обед,
Из поскони каftан;
Другой и в бархат разодет,
Да плут прежде всего.
Прежде всего, прежде всего
Ведь титул - глупый звон.
Бедняк, будь только честен он,
Король прежде всего!
Вот этот барин - знатный лорд,
Да что нам из того,
Что он своим богатством горд,
А глуп прежде всего!
Прежде всего, прежде всего
Для нас, детей труда,

Его и лента и звезда

Смешны прежде всего!

Холопа в графы произвесь

Не стоит ничего;

Но честным сделать царь, - как есть,

Не может никого!

Прежде всего, прежде всего

да будут все честны:

Честь - наши высшие чины,

И ум прежде всего.

Молитесь все, чтоб бог послал

Нам царствие свое,

Чтоб честный труд на свете стал

Почетнее всего!

Прежде всего, прежде всего,

Отныне и вовек,

Чтоб человеку человек

Был брат прежде всего.

Первые четыре куплета превосходно выражают гордое сознание человеческого достоинства и спокойное презрение к искусственным понятиям знатности и светской чести. Пятый куплет грешит пietизмом, но последние две строки спасают общее впечатление. Во всяком случае надо сказать спасибо Г. Костомарову за то, что он перевел это стихотворение просто и изящно, сохраняя тот оттенок юмора и ту непринужденность оборотов, которыми отличается подлинник.

Статья Г. Костомарова о Гейне еще более неудачна, чем его "Роберт Берне". Эта статья прямо показывает, что Г. Костомаров не понимает значения Гейне и даже непосредственным чувством не может оценить его поэзию.

Биографических данных очень немного, да и те, по правде сказать, бесполезны; вся наша читающая публика знает эти факты по многочисленным статьям, появлявшимся о Гейне в журналах и в предисловиях к отдельным изданиям переводов из Гейне. Стало быть, статья Г. Костомарова имеет главной целью объяснить нашей публике значение Гейне как поэта. Посмотрим, как-то Г. Костомаров справится, с этой задачею. Наш критик разбирает сначала политическое значение поэзии Гейне и обрушивает на поэта всю тяжесть своего добродетельного негодования. Негодует он на него, во-первых, за книгу о Берне, во-вторых, зато, что Гейне получал пенсию от Людовика-Филиппа; и то и другое, может быть, очень нехорошо, но, к сожалению, и то и другое вовсе не относится к политическому значению поэзии Гейне. Бэкон брал взятки, Вольтер часто воздвигал цензурные преследования против своих литературных врагов, но если мы будем говорить о политическом значении умственной деятельности Бэкона и Вольтера, то эти факты надо будет оставить в стороне, несмотря на то, что они дают обильную пищу добродетельному негодованию. Бэкон и Вольтер могли быть дрянными людьми, но организация их мозга была великолепная, и как великие мыслители и критики людских нелепостей они заслуживают нашу полную признательность. Политическое значение их деятельности заключается в том влиянии, которое их идеи оказывали на гражданскую жизнь их общества. Личные поступки этих людей часто не имеют с этим влиянием ничего общего, и до них нет дела тому критику, который рассматривает Бэкона или Вольтера со стороны их умственной

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org деятельности. Но предположим даже, что г. Костомаров хочет оценить Гейне как человека; даже и в этом случае его добродетельное негодование бессмысленно и риторично; чтобы бросить камень в Гейне, надо чувствовать себя очень чистым и сильным; надо самому побывать на арене и пережить те испытания, которые выпадали на долю Гейне; надо выйти победителем из этих испытаний, чтобы иметь право винить в слабости того человека, который свихнулся с прямого пути; иначе строгого ценсора нравов можно самого притянуть к суду общественного мнения; можно сказать ему: посмотрите на себя, грозный обвинитель великого поэта, поройтесь в ваших недавних воспоминаниях, полюбуйтесь на вашу собственную общественную деятельность, и тогда, насладившись этим поучительным самосозерцанием, перестаньте декламировать против чужих слабостей и проступков, менее достойных презрения. Не вашим подслеповатым глазам отыскивать пятна на светилах мысли, подобных Гейнриху Гейне.

Оценка Гейне как поэта, т. е. собственно эстетическая часть статьи г. Костомарова, отличается сильными претензиями и жалкою слабостью мысли. Г. Костомаров начинает эстетическую часть своего труда следующими словами: "чтобы вполне понять значение Гейнриха Гейне как лирика, необходимо"... Итак, г. Костомаров собирается "вполне понять значение Гейне". Посмотрим, что будет дальше. Дальше оказывается, что простота и непосредственность составляют главную силу поэзии Гейне. "Без этой заслуги, - говорит г. Костомаров, - несмотря на все богатство своего таланта, он никогда не занял бы такого почетного, чтобы не сказать первого, места между немецкими поэтами нового времени, потому что влияние его на литературу, как представителя юной Германии, как отвлеченного философа, как недовольного полемика и иронического юмориста, - далеко не так обширно" (стр. 85).

Вот это по крайней мере ново. Мы узнаем, что не содержание, не основная мысль, не направление поэтической деятельности Гейне имеет влияние на умы образованных европейцев, а форма выражения. Это открытие делает честь остроумию г. Костомарова. Если простота и непосредственность сами по себе, без посторонней помощи, производят такое сильное впечатление, то надо поставить монумент неизвестному автору следующего стихотворения:

Хоть весною

И тепленько,

А зимою

Холодненько,

Но и в стуже

Мне не хуже.

Это стихотворение помещено в грамматике Востокова; в нем так много простоты и непосредственности, что г. Костомаров, если желает быть последовательным, должен признать его лучшим перлом русской поэзии. Странно только, что г. Костомаров, придающий такое огромное значение простоте и непосредственности в поэзии, сам даже в презренную прозу вставляет самые диковинные орнаменты; например: "сгустившиеся туманы романтизма", "мечущий искры костер, медленный пламень которого пожирает древнюю, официальную Германию, заплесневелую землю филистеров", "любовь нечистая, пылающая пламенем чувственных наслаждений", "благоухают всею свежестью цветка и звенят, как серебряный колокольчик".

- О друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!

Но чем дальше в лес, тем больше дров: к концу статьи г. Костомарова мы узнаем вещи еще более новые. Оказывается, что ирония, проникающая собою поэзию Гейне, составляет ее главный недостаток; вы не верите? Полюбуйтесь следующею тирадою: "Болезненно действует на нас эта отрицательная сторона всеобъемлющего таланта Гейне. Эта неискренность, эта непонятная раздвоенность поэта постоянно заставляет думать, что самые возвышенные, самые очаровательные места его лирики - есть мастерски замаскированная ирония" (стр. 100).

Это значит другими словами: "всем бы хорош был Гейне, кабы не проклятая ирония". Это напоминает мне графа Монталамбера, рассуждающего об

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org англичанах: "Славный народ, - думает он, - жаль только, что не католики". Вот другая тирада на той же странице: "как часто стихи его кажутся нам хорошенными личиками, строящими самые нелепые гримасы, как часто он до самого конца ничем не возмущает наших благороднейших чувствований, чтобы тем внезапнее поразить самою мефистофелевскою остротою или, что еще хуже, самою обнаженною плоскостью". Да кто же просил г. Костомарова соваться в переводчики Гейне, если Гейне возмущает его "благороднейшие чувствования", если "мефистофелевские остроты" оскорбляют его щекотливую добродетель, если "обнаженные плоскости" раздражают его фешенебельный слух. Ни Гейне, ни русская публика ничего бы не потеряли, если бы г. Костомаров махнул рукой на "иронического юмориста" и "недовольного полемика". Мало ли таких поэтов, которые ни одною строчкою не обнаружат ни полемических наклонностей, ни иронии, ни юмора. Ведь перевел же г. Костомаров из Лонгфелло стихотворение "Excelsior!"; {"Выше!" (лат.). - Ред.} и сотни таких стихотворений можно было бы отыскать, была бы только охота. Вместо того чтобы возиться с гейневскою "Германию", в которой "решительно неистовствует едкая ирония", было бы гораздо удобнее перевести, например, "Мессиаду" Клопштока, или "Jocelyn" Ламартина; с ними и хлопот меньше, и "благороднейшие чувствования" остаются нетронутыми; если бы пришла охота переводить прозу, можно взять Шатобриана, Боссюэ, а еще лучше Фому Кемпийского. Тут уже наверное ни одна мефистофелевская острота не нарушит плавного парения назидательной речи. далее г. Костомаров обвиняет Гейне в нравственной нечистоте. "Нет, - говорит он, - что хотите, а это не та чистая, спасительная любовь, которая должна пылать в сердце каждого певца любви, а любовь нечистая, пылающая пламенем чувственных наслаждений, и потому-то она везде должна носить в себе сознание своего собственного ничтожества" (стр. 103). Уличив Гейне в отсутствии чистой, спасительной любви, г. Костомаров преследует поэта на его смертном одре и не без соболезнования доносит читателю, что раб божий Гейнрих Гейне умер нераскаянным грешником. Того, кто усомнится в верности моих слов, я прошу заглянуть на стр. 103 и 104 разбираемой мною книги; мне уже надоело цитировать г. Костомарова, да, кроме того, у нас иногда встречаются в литературе такие милые выходки, которые гадко выписывать.

Напрасно г. Костомаров к имени пietиста Генгстенберга, встречающемуся в переводе "Германии", делает следующее язвительное замечание: "Генгстенберг, по доносу которого отнята кафедра у Фейербаха". Кто так близко подходит к Генгстенбергу по воззрениям, тому следовало бы быть поосторожнее в отзывах.

Кто знает? Может быть, Генгстенберг сделал донос с благою целью! Может быть, делая свой донос, Генгстенберг воображал себя таким же полезным общественным деятелем, каким воображает себя г. Костомаров, обличая нераскаянного грешника и "иронического юмориста" Гейнриха Гейне.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Сборник стихотворений иностранных поэтов"

"Поэты всех времен и народов"

Обе рецензии впервые были опубликованы в журнале "Русское слово" (первая - 1860, кн. 12; вторая - 1862, кн. 5). В первое прижизненное издание сочинений не включались. Позднее перепечатывались в шеститомном издании Ф. Павленкова под общим заглавием: "Вольные русские переводчики". Здесь обе рецензии воспроизводятся по тексту журнала; ввиду тесной их тематической связи мы помещаем здесь первую рецензию непосредственно перед рецензией 1862 г.

В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде хранится беловой автограф первой рецензии (архив "Русского слова"). В рукописи имеются отдельные места, не вошедшие в печатный текст. {Автограф исследован Л. Э. Варустином; им же произведено для данного издания сличение печатного текста с рукописью.}

После слов: "У Берга ничего этого не видно" и перед новым предложением: "Из Андерсена можно было выбрать" (см. данн. изд., стр. 340) в автографе следовал разбор переводов стихотворения Андерсена, сделанных Бергом и Шамиссо: "(У Берга ничего этого не видно:) ледяные цветы заменены фиалками, морозный яркий день цветущую обстановкою весны, пестрый сад придуман самостоятельно. далее, зачем мальчик, стоящий перед окном, назван счастливым? Зачем он манит цветочки-глазки в сад и откуда взялись голоски

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org кругом? Переводчик умел при передаче совершенно изменить колорит; у него мальчик зовет девушку на свидание, и девушке желательно пойти к нему; у Шамиссо, которому мы позволим себе больше верить, нежели г. Бергу, изображена та минута, когда красота женщины только что начинает действовать на эстетическое чувство юноши. Даже в неизмененном виде стихотворение Андерсена не заслуживает особенного внимания; переводить его не стоило бы в сборнике, имеющем целью познакомить русских читателей с физиономией лучших иностранных поэтов, но по крайней мере оно не компрометирует автора; в нем виден ум, игривость и свежесть, что же касается до переделки г. Берга, то некоторые строки ее целиком годятся на конфектный билетик, а все вместе выходит до невозможности бедно и сладко".

Несколько ниже (см. стр. 340), после слов: "Если бы совершенно откинуть переводы из датских поэтов, от этого нисколько не потерял бы сборник", перед новым абзацем, посвященным разбору переводов из Шамиссо, в рукописи дается разбор переводов с итальянского:

"Переводы из итальянских поэтов сделаны с большим выбором и исполнены лучше, хотя порою встречаются уродливые и смешные погрешности. Например: "А вокруг _печаль рычит_, струятся слезы, кровь" (стр. 139). В отрывке из трагедии "Arnoldo da Brescia" г. Костомаров принимает Рим за женщину и, следя своему оригиналу, называет вечный город блудницею, говорит ему: "ты опьяняла от крови жертв своих", "ты попрала белую одежду"; оно и в итальянском выходит напыщенно, но там по крайней мере _Roma_ женского рода. Нельзя же при переводе не обращать никакого внимания на грамматику того языка, на который переводишь. По-русски тирада:

Я осудил тебя, блудница Рим! Ты опьяняла
От крови жертв своих, ведешь разврат
Со всеми сильными земли...

просто смешна и бессмысленна. Здесь г. Костомаров слишком усердно поддержался подлинника, но с ним это бывает редко. Большею частью он действует смелее, отбрасывает то, что ему не нравится, и прибавляет свое для большей картиности или для удобнейшего приискания рифм".

В автографе есть и другие, более мелкие отличия от печатного текста. Например, вместо: "Такие книги сбивают публику с толку" (см. стр. 347), в рукописи сказано сильнее: "Такие книги надо преследовать! Они сбивают публику с толку".

В рукописи рецензия имеет следующий конец, отсутствующий в печатном тексте: "что же еще прибавить? В книге нет живого места, и потому довольно"

В рецензиях нашли яркое выражение те высокие требования как в идейном, так и в художественном отношении, которые предъявлял Писарев к выбору переводимых произведений иностранной литературы, его внимание к принципам художественного перевода. Важное место занимает здесь характеристика творчества Гейне, к оценке которого он неоднократно обращался (см. об этом в прим. к статье "Генрих Гейне", данн. изд., т. IV). Кроме того, вторая рецензия интересна и как политический документ. Один из авторов разбираемых здесь переводов – Вс. Костомаров – приобрел позорную известность как агент III отделения своей предательской ролью в политических процессах 60-х гг. Сфабрикованное им письмо фигурировало на процессе известного

революционно-демократического деятеля поэта М. Л. Михайлова в качестве "вещественного доказательства" виновности Михайлова. Позднее он же сфабриковал подложную записку от лица Чернышевского, использованную при расправе царского суда над великим революционным демократом.

Язвительно-убийственные намеки Писарева на доносительскую "деятельность" В. Костомарова и имеют в виду разоблачить гнусную роль В. Костомарова в деле М. Л. Михайлова.

1 "Весельчак" – юмористический журнальчик, выходивший в Петербурге в 1858–1859 гг.

2 Писарев, очевидно, имеет в виду Арсеньева Илью Александровича (1820–1887) – бездарного продажного журналиста, агента III отделения, сотрудника булгаринской "Северной пчелы", а затем организованной министром внутренних дел П. А. Валуевым газеты "Северная почта"; под псевдонимом Заочный сотрудник в "Русском вестнике" М. Каткова, а затем в газете "Северная почта" видный чиновник министерства внутренних дел В. К. Ржевский (1811–1885). Таким образом это место в рецензии Писарева представляет меткий выпад по адресу бюрократически-рептильной журналистики.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Поэты всех времен и народов. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.org
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!